императрицы и ее приближенных, то есть различными знаками социального престижа, помимо внутренней зависимости от догмата «преданности интересам государыни и престола», помимо экзальтированного восторга от причастности к победам могучей империи, в мотивационной сфере личности дворянина присутствовал еще один важный компонент. Десятилетиями культивируемый авторитет государственной службы порождал готовность самоотверженно выполнять обязательства не за награды и милость, а даже ценой их потери. «Ибо, — как писал Суворов, — за исход боя я отвечаю».[48] Чувство индивидуальной ответственности часто блокировало нелепые указы и непрописанные инструкции, подавляло интриги конкурирующих сановников и личные обиды обойденного по службе полководца.[49] Подобное, не зависящее от ситуации уважение к делу в конечном счете таило некую опасность для самовластия, но без чувства гражданской порядочности был бы невозможен блистательный прорыв России XVIII столетия. «Торжественно извещаю, что если бы в самом деле и важнее бывших и нынешних по службе дел что исполнил, то это истинно по одному честолюбию и по понятию, которое я о слове честь имею» (88), — писал Хемницер Львову.

Между тем он надеялся, что место генерального консула все же улучшит его обстоятельства, как свойственно вообще надеяться человеку, и предчувствовал беду, как могут ее предчувствовать только люди, наделенные интуицией поэта. Он напишет «на меня самого» полушутливые эпитафии, которым суждено будет остаться на бумаге, поскольку могила Хемницера затерялась где-то в бывшей Смирне на кладбище, вероятно, уже не существующем.[50] В «Надгробной моей» и «Надгробной на меня самого» он с усмешкой скажет об обреченности вечно служить и вечно бедствовать и обнаружит глубокое понимание тщетности всех предпринимаемых им усилий.

Жив честным образом, он весь свой век трудился,
Но умер так же наг, как был, когда родился.[51]

---

[48] Письмо А. В. Суворова И. М. Рибасу. Август, 1788 г. // Суворов А. В. Письма. М., 1986. С. 169.

[49] Не случайно А. В. Суворов восхищался мужественным благородством М. М. Голицына, одного из крупнейших полководцев времен Северной войны. Ради интересов Отечества он пренебрег личной обидой. На вопрос Петра I о награде за одержанную над шведами победу Голицын просил простить А. И. Репнина, разжалованного за поражение при Головчине. «Знаешь ли ты, что он твой злейший враг?» — спросил Петр. «Знаю, — был ответ, — и прошу ради пользы отечества, ибо Репнин военное дело знает, а хороших генералов мало». «Князь М. М. Голицын (генерал-майор), — победя, выпросил ему милость. Здесь достоинство!» — писал А. В. Суворов (*Суворов А. В.* Письма. С. 527—528, 229).

[50] См. об этом: *Бюлер Ф.* О месте погребения Хемницера.

[51] *Хемницер И. И.* Полное собрание стихотворений. С. 231.